

МИНИМАЛИЗМ И ЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОНТОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ ЛОРЕНЦА КЭЛЕРА

В.В. ОГЛЕЗНЕВ, д.ф.н., профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); ведущий научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета, e-mail: ogleznev82@mail.ru

Актуальность темы статьи связана с раскрытием и объяснением основных положений минималистской теории юридической обязанности немецкого философа права Лоренца Кэлера, которые представлены в статье «О минималистском понимании юридической обязанности», публикуемой в настоящем номере. *Предметом исследования* является онтология юридических обязанностей, проявляющаяся в таких необходимых их свойствах, как направленность на действие, указание на обязанное лицо и нормативное требование. *Цель работы* заключается в изложении теории немецкого философа права через критический анализ отдельных ее элементов. Основными *методами* исследования выступают историко-философский анализ и контекстуальная интерпретация. *Новизна* исследования состоит в том, что впервые на русском языке разбирается оригинальная теория юридической обязанности, непохожая ни на что в современной юридической литературе. *Основные выводы статьи* заключаются в экспликации основных аргументов теории юридической обязанности Л. Кэлера.

Ключевые слова: юридическая обязанность, существование, онтология права, метафизика права, пропозициональное содержание, идеальные сущности, эмпирические факты, нормы права, Л. Кэлер

Введение

Статья современного немецкого философа права Лоренца Кэлера “Towards a Minimal Concept of Legal Obligation” [5], перевод на русский язык которой публикуется в настоящем номере, представляет собой оригинальную философско-аналитическую попытку установить необходимые и достаточные признаки понятия «юридическая обязанность», опираясь не на лингвистический или позитивистский подход, а на разумные универсальные основания или, словами автора, на рациональное конструирование этого понятия (reason-based construction). Он отвергает идею, что понятие обязанности может быть выведено из языковой практики (практики его употребления в естественном языке) или анализа отдельной правовой системы, и предлагает новую, «очищенную» его версию, построенную на анализе трех ключевых признаков, обнаруживаемых у всех юридических обязанностей: направленность на действие (reference to an action), указание на обязанное лицо (reference to a person) и нормативное требование (normative requirement). Более того, важной предпосылкой рассуждения Л. Кэлера об юридических обязанностях становится утверждение, что эта правовая категория представляет собой онтологически идеальную сущность, обладающую нематериальным характером и пропозициональным содержанием. Именно допущение онтологической идеальности обязанности (как мы далее увидим) позволяет ему установить эти три необходимых признака и подчеркнуть необязательность и нерелевантность других.

Хотя данный подход заявлен как универсалистский и минималистский, он не лишен недостатков как методологического, так и содержательного характера. Ведь автор не претендует на окончательность своих выводов, напротив, он предлагает рассмотреть ряд взаимосвязанных аргументов, касающихся природы юридической обязанности, и открыто приглашает к дискуссии.

В ходе работы над переводом указанной статьи Л. Кэлера мне представилась возможность уточнить у него не только отдельные положения, но и логику его рассуждения. Поэтому я позволю себе выйти за рамки академической сдержанности и в этом коротком комментарии поделюсь своими соображениями как о сильных, так и уязвимых сторонах его концепции.

Методы исследования

Л. Кэлер отвергает два традиционных подхода к определению юридической обязанности: (1) через анализ языковой практики (анализ словоупотребления) и (2) через эмпирическое описание конкретной правовой системы. Оба метода, по его мнению, слишком ограничены: первый фиксирует лишь то, как понятие используется, но не раскрывает его сущностную структуру, а второй страдает контингентностью и не дает уверенности в универсальности выводов.

Вместо этого автор избирает третий путь – рациональное конструирование понятия обязанности через выявление его необходимых признаков, обнаруживаемых в контексте любой правовой системы. В частности, он утверждает, что существует лишь одно естественное понятие обязанности, а не множество понятий, из которых разные языки и правовые системы могут выбрать какое-то конкретное. Таким образом, используя комбинацию методов аналитической и трансцендентальной философии, он пытается эксплицировать условия возможности юридической обязанности, а не ее эмпирические проявления. Иными словами, автор выстраивает понятие обязанности как условия возможности нормативного регулирования, отказываясь при этом от любых эмпирических или социологических ограничений.

Такая на первый взгляд неожиданная методологическая стратегия обладает рядом достоинств. Прежде всего тем, что она позволяет при соблюдении требования аналитической строгости формулировать нетривиальные онтологические допущения. Однако именно это стремление к абстрактной концептуальной ясности делает ее уязвимой для критики, что норма права, в которой содержится юридическая обязанность, оказывается как бы изолированной от условий ее действия, признания и воспроизводства в конкретном институциональном контексте.

Результаты

1. Минималистская структура обязанности

Л. Кэлер утверждает, что о существовании юридической обязанности можно говорить, только если одновременно выполняются три условия:

есть указание на действие, которое должно быть совершено (или которого следует воздерживаться),

есть указание на обязанного субъекта – физическое или юридическое лицо,

есть нормативное требование, выраженное посредством таких деонтических модальностей, как «следует», «обязан», «должен».

Эти три элемента, по мнению автора, являются необходимыми и достаточными основаниями для признания обязанности юридической. Все остальные характеристики – указание на лицо, имеющее право требовать исполнения обязанности (reference to an obligee), указание на лицо, установившее обязанность (reference to an obligating person), а также наличие санкции – рассматривается как необязательные, производные признаки, зависящие от конкретных условий правовой системы, но не определяющие само понятие обязанности.

Такая минималистская трактовка, с одной стороны, позволяет четко отделить юридическую обязанность от описания эмпирических фактов (то есть конкретных действий, уже совершенных или совершаемых) или от ситуаций вынужденного поведения (being obliged), когда отсутствует нормативное требование совершить определенное действие. Так, концепция Л. Кэлера позволяет различать ситуации легитимного нормативного предписания и простого принуждения (как в хартовском примере с вооруженным грабителем [3, с. 88-89], где жертва «вынуждена» отдать деньги грабителю, но не «обязана» это делать в нормативном смысле). Однако, с другой стороны, та же минималистская установка порождает концептуальное сомнение: насколько правомерно считать юридической обязанность, которая не подкреплена санкцией, или которая не предполагает корреспондирующего субъективного права? Ведь в большинстве правовых систем именно наличие санкционного механизма служит критерием юридической валидации нормы.

На это возражение Л. Кэлер отвечает тем, что санкция не входит в сущностную структуру обязанности, поскольку нормативное требование может существовать независимо от его принудительного обеспечения. По его мнению, санкционируемость – это производный признак, обусловленный институциональной практикой, но не логикой самой нормы. Иными словами, нормативное требование не зависит от наличия санкции, хотя санкция может служить способом его реализации или поддержания в конкретной правовой системе. Санкция – это лишь реакция на нарушение, но не источник нормативной силы самой нормы.

Такое рассуждение открывает путь к признанию символических, морально значимых или институционально несанкционируемых обязанностей как полноценных юридических обязанностей. Вместе с тем оно размывает традиционное различие между правом и моралью, поскольку последняя также предполагает нормативные требования без санкции и без корреспондирующих субъективных прав. Таким образом, возникает необходимость в дополнительном критерии, позволяющем различать юридическое и моральное нормативное содержание при отсутствии санкции. Однако Л. Кэлер не предлагает четкой онтологической границы между ними.

Еще одним новаторским и одновременно спорным утверждением является то, что обязанность может существовать без лица, в интересах которого она должна быть исполнена (*obligee*). В качестве примера Л. Кэлер приводит нормы экологического права, предписывающие не загрязнять окружающую природную среду, не будучи адресованными конкретному лицу или институту. Это логически возможно, особенно если принять точку зрения, что нормативность – это прежде всего пропозициональное содержание, а не условие юридической валидности обязанности.

Однако если нет лица, в чьих интересах возникает обязанность, то на каком основании она может быть оспорена, защищена или реализована? Л. Кэлер, разводя понятия юридической обязанности и субъективного права, что может быть адекватным в отдельных отраслях публичного права (например, в экологическом праве), не анализирует, какое влияние этот подход может оказать на правовые средства защиты и институциональную структуру правопорядка. Отсюда возникает опасность того, что понятие юридической обязанности будет отделено от понятия субъективного права настолько, что потеряет свою институциональную значимость. Это особенно чувствительно для правовых систем, в которых корреспонденция обязанностей и прав является системообразующим элементом.

Таким образом, такой минимализм в определении юридической обязанности хотя и придает ему аналитическую строгость, но при этом ослабляет институциональную определенность и требует более глубокой проработки статуса санкции и субъективного права как не просто вторичных, а функционально необходимых компонентов правопорядка.

2. Обязанность как онтологически идеальное положение дел

Ключевой идеей теории немецкого правоведа является утверждение, что юридическая обязанность – это онтологически идеальная сущность, не являющаяся ни вещью, ни абстрактным объектом. Юридическая обязанность, как и другие онтологически идеальные сущности (например, математические формулы, логические структуры, рассказы и т.п. [1, с. 54; 2, с. 10; 4, р. 402; 5, р. 9; 6, р. 214]), имеет нематериальный характер в силу того, что она выражает не фактическое положение дел, а смысловое содержание правовой нормы в форме пропозиции, в центре которой – указание на определенное действие или отказ от него. Хотя сами предписываемые действия обычно реализуются в физическом мире, их нормативность не имеет материальной природы. Даже если обязанность сформулирована в рамках конкретного языка, ее содержание не ограничено этой языковой формой – оно может быть переформулировано иными средствами, не теряя своей идентичности. Именно это указывает на то, что обязанность обладает пропозициональным содержанием, не сводимым к языковому или физическому носителю и не зависящим от психических актов восприятия. При этом действительность того положения дел, на которое ссылается обязанность, не влияет на сам факт ее существования: обязанность сохраняет силу даже в случае, если предписанное действие не выполнено или не будет реализовано никогда. Ее функция состоит не в описании сущего, а в указании на то, что должно быть, несмотря на его возможное отсутствие в настоящем.

Такой подход, позволяющий обосновать устойчивость норм вне зависимости от их материального воплощения (обязанность не исчезает при уничтожении текста закона, она существует как смысловая структура), представляет собой секуляризованную версию платонизма, в котором «мир

норм» – это не трансцендентная область, но рационально артикулируемая структура. С этой точки зрения такие явления, как права и обязанности, можно с полным основанием рассматривать как онтологически идеальные. Их существование аналогично существованию платоновских идей: они не сводятся к своим эмпирическим проявлениям, не тождественны конкретным нормам, законам или правовым институтам. Их онтологическая идеальность не связана с содержательной справедливостью, легитимностью или валидностью. Ведь даже аморальные, фиктивные или давно забытые нормы, считает Л. Кэлер, продолжают существовать как идеальные объекты, поскольку обладают теми же формальными характеристиками: нематериальностью и пропозициональной структурой. Следовательно, понятия «право», «обязанность», «разрешение» и т.п. представляют собой онтологически идеальные сущности, существование и интерпретируемость которых возможны независимо от их применения, оценки или санкционирования.

Однако подобное абстрагирование юридической обязанности от условий ее институционального функционирования вызывает сомнение. Значение нормативного предписания, а следовательно, и самой обязанности, реализуется только в определенной языковой, социальной и интерпретативной среде. Обязанность, как и норма, в которой она выражена, не может быть понята вне контекста ее применения. Она не предшествует своему же применению, а существует через него. Отделение обязанности от ее институциональных и лингвистических воплощений рискует превратить ее в онтологический фантом, лишенный прагматической определенности. Юридическая обязанность, по моему мнению, не является идеальной сущностью в том смысле, в каком ей является число π или теорема Пифагора. Она не существует как бы «сама по себе» и лишь случайно находит выражение в конкретных институтах. Напротив, она есть продукт и одновременно элемент социально-языковой практики, возникающий и действующий в конкретных правовых системах. В этом смысле обязанность существует не «где-то вовне», а в тех речевых актах, институциональных процедурах и ожиданиях, которые ее порождают и воспроизводят.

В стремлении подчеркнуть нематериальный характер юридической обязанности Л. Кэлер склоняется к ее реификации: рассматривает обязанность как существующую независимо от конкретной юридической практики. Но тем самым он переоценивает устойчивость нормативного смысла, абстрагируя его от условий intersubjectивного признания и применения. Между тем, нематериальность юридической обязанности можно объяснить и без введения онтологически особого измерения: она нематериальна не потому, что принадлежит внеэмпирическому уровню бытия, а потому что реализуется в языке и институциональных действиях, опирающихся на социальное признание, а не на физическую данность.

3. Проблема недействительных обязанностей

Проблема недействительных обязанностей в онтологии Л. Кэлера занимает особое место и связана со стремлением строго различать существование обязанности и ее юридическую действительность (валидность). Это разграничение позволяет ему утверждать, что даже недействительная обязанность может оставаться обязанностью пусть и не обязывающей в юридическом смысле. Однако такой подход порождает ряд философских и юридических трудностей, на которых следует остановиться подробнее.

Как уже было сказано, юридическая обязанность, по мнению немецкого правоведа, обладает пропозициональным содержанием, то есть представляет собой высказывание вида: «А должен сделать ϕ », где А – обязанный субъект, а ϕ – предписанное действие. Здесь важно то, что даже если условие действительности не выполнено (например, обязанность издана неправомочным органом), сама эта пропозиция сохраняется как высказывание, претендующее на нормативную силу.

Л. Кэлер особо подчеркивает, что даже ошибочное или нелегитимное притязание на обязанность остается обязанностью – просто недействительной. Он аналогично отличает пропозициональное содержание от условий истинности: то, что обязанность существует как смысловая структура, не гарантирует ее обязательность в юридическом смысле. Это позволяет ему объяснять явления вроде неконституционных законов, команд, изданных без должных полномочий, принуждающих высказываний, не имеющих нормативной силы (например, «Кошелек или жизнь!»).

Проблема, однако, состоит в следующем: что именно означает «существовать» для недействительной обязанности? Если ее существование не предполагает ни легитимности, ни институциональной силы, ни применения, в каком смысле она остается «обязанностью», а не,

скажем, языковым симулякром? Ведь одна из функций права – это проводить различие между должным и недолжным, а не только констатировать, что некие притязания были сделаны. Поэтому если мы признаем, что всякое нормативное высказывание формы «А должен сделать ф» уже является юридической обязанностью, мы размываем границу между правом и его имитацией. Так, угроза вооруженного грабителя («Кошелек или жизнь!») может быть интерпретирована как притязание на обязанность, но будет ли это «обязанностью», пусть даже недействительной? Или же это просто имитация правовой формы, лишённая юридического содержания? Последнее создает еще и угрозу того, что любой акт, имитирующий форму предписания, может быть воспринят как потенциальная обязанность, даже если у него нет юридического основания.

Кроме того, признание недействительных обязанностей «реально существующими» ведет к своеобразному нормативному инфляционизму. Мы получаем множество «призрачных» обязанностей, которые не обязывают, не поддерживаются институтами, не могут быть реализованы, но тем не менее считаются «обязанностями». Это онтологически расширяет понятие нормы, но юридически его ослабляет, поскольку утрачивается критерий релевантности: что отличает норму, подлежащую исполнению, от нормы, существующей лишь как претензия? Л. Кэлер отвечает на этот вопрос утверждением, что валидность – это не условие существования нормы, а условие ее действия. Это разумное различие, но оно работает только при наличии независимого механизма, определяющего эту валидность. Но в теории Л. Кэлера таких жестких институциональных критериев валидности просто не предусмотрено. Хотя он говорит о «нормативной силе» как независимой от институционального признания, но не указывает, как она может быть обоснована – через легитимность? процедуру? соответствие морали?

Заключение

Минималистская концепция юридической обязанности Л. Кэлера предлагает ясную и рационально реконструированную модель, свободную от эмпирических, институциональных и культурных особенностей конкретных правовых систем. Что является ее несомненным достоинством. Однако в стремлении к метафизической универсальности немецкий правовед сознательно отказывается от эмпирических и социологических аспектов, рискуя тем самым утратить связь с юридической практикой. Его теория, несмотря на внутреннюю логическую стройность, требует постоянной коррекции с учетом языковых, институциональных и интерпретативных условий, в которых нормы реально существуют, функционируют и производят правовые последствия. Без этого теория может потерять свою нормативную продуктивность и превратиться в отвлеченную, онтологически самодостаточную конструкцию, подобную платоновским сущностям – строгую, но не применимую.

Тем не менее, предложенная Л. Кэлером модель позволяет переосмыслить базовые юридические категории, такие как «обязанность», «норма», «санкция», «юридическая сила» и др. Более того, она способствует уточнению границ между юридическим и моральным, между действием и принуждением, между формой и содержанием нормативного высказывания.

В.В. Оглезнев, ф.г.д., Санкт-Петербург мемлекеттік университетінің құқық факультеті мемлекет және құқық теориясы мен тарихы кафедрасының профессоры (Санкт-Петербург қ., Ресей); Горно-Алтай мемлекеттік университетінің жетекші ғылыми қызметкері: Минимализм және оның шектеулері: Лоренц Кэлердің құқықтық міндет онтологиясына сыни талдау.

Мақала тақырыбының өзектілігі неміс құқық философы Лоренц Кэлердің осы шығарылымда жарияланған «Құқықтық міндетті минималистік түсіну туралы» атты мақаласында ұсынған құқықтық міндеттің минималистік теориясының негізгі ережелерін ашу мен түсіндіруге байланысты. Зерттеудің тақырыбы құқықтық міндеттердің онтологиясы, ол олардың қажетті қасиеттерінде көрініс табады: әрекетке бағытталуы, міндетті тұлғаны көрсетуі және нормативтік талапты қамтуы. Зерттеудің мақсаты – неміс құқық философиясының теориясын оның жекелеген элементтеріне сыни талдау арқылы баяндау. Зерттеуде қолданылатын негізгі әдістер – тарихи-философиялық талдау мен контекстуалдық интерпретация. Зерттеудің жаңашылдығы – қазіргі құқықтық әдебиетте баламасы жоқ, түпнұсқа құқықтық міндет теориясының алғаш рет орыс тілінде егжей-тегжейлі талдануында. Мақаланың негізгі қорытындылары Л. Кэлердің құқықтық міндет теориясының басты дәлелдерін ашып көрсетуге бағытталған.

Түйінді сөздер: құқықтық міндет, болмыс, құқық онтологиясы, құқық метафизикасы, пропозиционалдық мазмұн, идеалдық мәндер, эмпирикалық фактілер, құқық нормалары, Л. Кэлер.

Vitaly V.V. Ogleznev, DSc in Philosophy, Professor, Department of the Theory and History of the State and Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University (Санкт-Петербург к., Ресей); Leading Research Fellow, Gorno-Altai State University: Minimalism and Its Limits: A Critical Analysis of Lorenz Kaehler's Ontology of Legal Obligation.

The relevance of topic lies in the exposition and analysis of the main tenets of the minimalist theory of legal obligation proposed by Lorenz Kaehler, German legal philosopher, as presented in his article “Towards a Minimal Concept of Legal Obligation”, published in the current issue. *The subject of study* is the ontology of legal obligations, understood through such necessary features as reference to an action, reference to a person, and the presence of normative requirement. *The aim* of the article is to present Kaehler’s theory through a critical analysis of its key components. *The main methods* employed are historical-philosophical analysis and contextual interpretation. *The novelty of research* lies in the fact that it is the first Russian-language analysis of an original theory of legal obligation, which stands apart from contemporary legal literature. *The main conclusions* consist in an explication of Kaehler’s core arguments concerning the structure and ontological status of legal obligation.

Keywords: legal obligation, existence, ontology of law, metaphysics of law, propositional content, ideal entities, empirical facts, legal norms, L. Kähler.

Список литературы:

1. Кэлер Л. Ослабленная реальность права // Право и государство. 2023. № 1(98). С. 40–59.
2. Оглезнев В.В. В каком смысле право реально? Теория онтологической идеальности права Лоренца Кэлера // Право и государство. 2023. № 1(98). С. 6–15.
3. Харт Г.А.А. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.
4. Kähler L. Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts // ARSP Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 2021. Vol. 107, No. 3. P. 392–416.
5. Kaehler L. Towards a Minimal Concept of Legal Obligation // Theories of Legal Obligation / eds. D. Beyleveld, S. Berteau. Cham: Springer, 2024. P. 7–26.
6. Kaehler L. What Is the Ideal Dimension of Law? // Ratio Juris. 2024. Vol. 37. No. 3. P. 210–229.

References (transliterated):

1. Hart H.L.A. Ponjatje prava [The Concept of Law]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007.
2. Kähler L. Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts // ARSP Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 2021. Vol. 107, No. 3. P. 392–416.
3. Kaehler L. Oslablennaja real'nost' prava [The Attenuated Reality of Law]. Pravo i gosudarstvo. 2023. № 1(98). P. 40–59.
4. Kaehler L. Towards a Minimal Concept of Legal Obligation // Theories of Legal Obligation / eds. D. Beyleveld, S. Berteau. Cham: Springer, 2024. P. 7–26.
5. Kaehler L. What Is the Ideal Dimension of Law? // Ratio Juris. 2024. Vol. 37. No. 3. P. 210–229.
6. Ogleznev V.V. V kakom smysle pravo real'no? Teorija ontologicheskoy ideal'nosti prava Lorenca Kjelera [In What Sense is a Law Real? Lorenz Kähler's Theory of The Ontological Ideality of Law]. Pravo i gosudarstvo. 2023. № 1(98). P. 6–15.

Для цитирования и библиографии: Оглезнев В.В. Минимализм и его ограничения: критический анализ онтологии юридической обязанности Лоренца Кэлера // Право и государство. № 2(107), 2025. – С. 29–34. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_29

Материал поступил в редакцию 18.02.2025